

8/11 90.

Мейерхольд В. Э.

138

КАЛЕНДАРЬ

19. 6

Эс

Экран и сцена (приложение к Сов. культуре) - 1990 - 8 декабря (№6) - с 14

Всеволод Мейерхольд:

«Пушкин был преобразователем драматической системы»

Известны две статьи Всеволода Мейерхольда о Пушкине: «Пушкин-режиссер» [1936] и «Пушкин-драматург» [1937], опубликованные в книге «В. Э. Мейерхольд. Статьи. Письма. Речи. Беседы».

Работая над архивом ВТО, мне удалось обнаружить неопубликованное выступление В. Э. Мейерхольда на вечере-встрече мастеров искусств с пушкинистами 26 февраля 1937 года. Вниманию читателей предлагаются фрагменты этого выступления.

Вот заканчиваются пушкинские торжества. Грустно, что, мне кажется, после этих торжеств все останется в таком же положении, все будет протекать так же, как протекало и до пушкинских торжеств.

А между тем Пушкин был преобразователем драматической системы. Он в очень коротеньких заметках, в очень кратких словах, в своих письмах сказал так много о театре, что все «ухитрились» это проморгать.

XIX век совсем не занимался всем тем, что Пушкин о театре говорил, то есть практически никто не пытался хоть немножечко осуществить из того, что предложил нам Пушкин.

Вот я и думаю, правильно ли сделало Всероссийское театральное общество, что сегодня собрало нас. То есть, кого нас? Нас — деятелей театра и тех, кто Пушкиным вплотную занимается. Мне кажется, что следовало бы на эту встречу посмотреть, как на начало той практической работы, которую мы должны проделать в дальнейшем, скажем, в дальнейшее десятилетие. Мы должны заняться этой работой вплотную и энергично, а не так просто, понимаем, как сейчас: какие-то театры готовят Пушкина, но мы же знаем, как это будет изготовлено. Мы наперед можем сказать, потому что в последнее время мы знаем целый ряд постановок, в которых уже определился тонус этих пушкинских спектаклей.

...А помните, товарищи, знаменитое обращение Пушкина к актерам в послании к кому-то из своих друзей: «Актеры, актеры, как они обращаются с ямбами». И он был глубоко убежден, что актеры начнут ужасно обращаться со стихом.

И я имел случай; вот здесь, на этой эстраде, присутствовали и выступали артисты МХАТа, когда они показывали отрывок из «Бориса

Этот выстрел воистину звучит до сих пор. Кажется, видишь траекторию пули, будто линию, начертанную в воздухе над вязын петербургским снегом. Хочется ее сломать, направить куда-нибудь к черным деревьям, к низкому вечернему небу. От 10 февраля 1837 года — и навсегда.

«Нашего Пушкина нет! Это, к несчастью, верно; но все еще кажется невероятным. Мысль, что его нет, еще не может войти в порядок обыкновенных, ясных ежедневных мыслей. Еще по привычке продолжаешь искать его, еще так естественно ожидать с ним встречи в некоторые условные часы; еще посреди наших разговоров как будто отзывается его голос, как будто раздается его живой, веселый (ребячески веселый) смех, и там, где он бывал ежедневно, ничто не переменилось, нет и признаков бедственной утраты, все в обыкновенном порядке, все на своем месте; а он пропал, и навсегда — непостижимо». Так написал Василий Андреевич Жуковский. Какой русский человек не испытывал подобных чувств!

...И еще этот выстрел звучал и звучит в душах наших художников, заставляя все новые поколения их обращать свое вдохновение к великому и светлому имени — ПУШКИН.

Годунова», сцену в корчме. Я не увидел совсем, не услышал того, что в эту картину вложил Пушкин. Это было превосходно сыграно, они превосходно ели хлеб, превосходно играли, превосходно гримасничали, но Пушкина я не слышал. Мне казалось, что это, может быть, Максим Горький, может быть, другой писатель, но между Максимом Горьким и Александром Сергеевичем Пушкиным ничего нет общего. Значит, надо было уловить своеобразный стиль пушкинского построения сцены, его отношение к сцене, его отношение к образу, к ситуации. И вот Гришка разговаривает. Ведь дело в том, что он так разговаривает, как будто он вовсе не Гришка, а как будто мы с вами, когда мы не знаем, куда идет трамвай. Мы спрашиваем: «Куда этот трамвай направляется? В сторону Сокольников или в сторону Александровского вокзала?» Нельзя было так спрашивать об адресе. Значит, надо было подумать, что здесь дело не в адресе, не в расположении дороги, а надо было передать тревогу. А этот человек говорит так просто, настолько просто, что не чувствуешь, надо ли было в этой простоте дать эту дорогу. А если не дать, то эта простота ни к чему не нужна.

Говорят: давайте искать художественную правду. Но ее можно искать разными путями, различными способами. Если ее нужно искать, опираясь на эмоции, если не понимать глубокого смысла в той глубокой драме, которую переживает в данный момент Григорий Отрепьев, то это уже плохо.

Затем, товарищи, мы все — старые режиссеры и старые актеры должны помнить, что мы воспитаны на городяковской декламации. Давайте сожжем эти книги. Давайте на базе пушкинского театра, на базе пушкинского понимания природы, так называемого условного правдоподобия, давайте займемся изучением нового способа сценического выражения. Это должно сделать Всероссийское театральное общество, потому что я не вижу, где нам еще обсуждать эти вопросы для того, чтобы нашу культуру поднять на большую высоту.

Публикация
Михаила ГОЛЬДЕНБЕРГА.